

ДМИТРИЙ ФЕДОРОВИЧ

ЭТО НЕ ПРОИСХОДИЛО НИКОГДА

РАССКАЗ

То, о чем я собираюсь рассказать, никогда не происходило. Вообще никогда.

А теперь начнём.

Я познакомился с Леной и Вениамином в интернете, на одном литературном портале — не важно, каком. Кажется, был объявлен литературный конкурс, в котором все мы решили поучаствовать. После окончания конкурса, лавров на котором я так и не стяжал, знакомство наше сохранилось, несмотря на то, что физически мы друг с другом никогда не встречались; тут сказалась некоторая общность мировоззрения, взаимный интерес к творчеству и то, что мы были примерно одного возраста — близкого к пожилому.

Лена жила в Рязани, я в Гомеле, а Вениамин Бычковский был из затерянной в глухом белорусском Полесье деревушки Бобровичи.

Мы быстро перешли на “ты” — это поясняет, почему я уважаемых и почтенных людей называю просто Лена (а иногда и Ленка) и Вениамин, а не Елена Юрьевна и Вениамин Николаевич.

Вениамин радушно приглашал нас приехать в гости: Бобровичи располагались на берегу большого озера, где он в качестве плавсредства имел приличную, по его словам, байдарку и обещал незабываемые впечатления: отдых на воде и изумительную уху, конечно же, по фирменному рецепту. С проживанием проблем тоже не предвиделось: у нашего друга имелся довольно

ФЕДОРОВИЧ Дмитрий Леонидович родился в 1954 году в посёлке Ладан Прилуцкого района Черниговской области (Украина). Окончил физический факультет Гомельского государственного университета. Печатался в журнале “Нёман”. Живёт в Гомеле.

просторный дом, и плюс к тому — местный краеведческий музей, который он же и основал. Вернее, это был даже не музей, а непонятного назначения строение, в котором он собирал различные предметы старины, воссоздавая крестьянский быт прошлого и одновременно используя как гостиницу для приезжих. А гостей у него, особенно летом, бывало предостаточно.

Однако наши с Леной годы, как я уже говорил, только приближались к пенсионному сроку, и поэтому мы могли распоряжаться своим временем лишь в пределах отпускного периода. А он у нас, как правило, не совпадал.

И вдруг получилось так, что — наконец-то! — всё сложилось наилучшим образом. Теперь, после всего того, что я намерен описать, я думаю, что наша встреча состоялась не случайно — не случайно были и наше знакомство, и занятия литературой, и сроки, которые судьба положила нам для встречи. Мы — все трое — были отмечены; каждый по-своему, конечно, но было в нас нечто общее, то, чего не хватало нам по отдельности и что совпало и проявилось, когда мы, наконец, собрались вместе. Я говорю об отношении к тем странным явлениям, среди которых мы живём, но которые человечество с поразительным упорством не желает замечать, и, может быть, в этом нежелании как раз проявляется спасительный закон самосохранения.

Сколько раз тебе, читатель, попадалась информация о непонятных феноменах, которые наука, несмотря на свои выдающиеся достижения, объяснить не может? Я говорю об НЛО, полтергейсте, о странных способностях, присущих некоторым людям, среди них, согласен, множество шарлатанов... О явлении дежавю, о загадках исчезновения людей, о неуловимых йети. О парадоксальных случаях исцеления, наконец, которые происходят от чудотворных икон и мощей святых.

Конечно, можно отмахнуться от таких фактов. Как правило, во время, когда происходит то или иное событие, не укладываемое в нашу обыденную логику, на месте не оказывается ни видео- и звукозаписывающей аппаратуры, ни точных приборов, позволяющих феномен надёжно зафиксировать, ни, на худой конец, достаточного числа достойных доверия свидетелей. К тому же политика властей всегда направлена на то, чтобы такие факты не становились достоянием общественности: во избежание паники, невычислимой реакции толпы и бог знает чего ещё.

Что я могу сказать?

Реакция властей понятна и в чём-то даже оправдана. Недоверие и скептицизм людей тоже имеют под собой основания: я и сам ни за что не поверю, допустим, в летающую тарелку, если про неё мне расскажет полупьяный бомж, клянись он хоть чем угодно... Да беда в том, что эти самые тарелки я видел своими глазами, причём неоднократно.

Вот что было в нас общего: мы, все трое, безусловно, знали, что некий тайный мир сосуществует с нами, находится где-то рядом; более того, не раз сталкивались с его проявлениями, с его влиянием на свою жизнь. И бывали в нём, — как правило, такое происходит помимо воли человека, его просто забрасывает туда. Не в реальном теле, нет. Это происходит обычно на границе сна и яви, когда мозг уже освободился от докучливых дневных забот, но ещё не погрузился в сон. С лёгкой руки Лены мы стали называть такие проникновения Полуявью. А что, термин как термин, ничуть не хуже любого другого.

В Полуяви у каждого из нас был свой мир и свои излюбленные места. Но как же я изумился, когда однажды Лена подробно описала мне мой мир (то есть тогда я ещё думал, что это только мой мир)! Как же так, выходит, это не порождение моей фантазии, раз такое вижу не только я?! Значит, Полуявь не есть нечто чисто субъективное?!

Не есть. Конечно, она для каждого путника своя, иначе и быть не может, наверно, но какие-то общие для всех области, личности и закономерности в ней, несомненно, присутствуют. И допускают туда только в те места и обстоятельства, для которых конкретный человек предназначен.

Мы были разные. Бычковский, например, по молодости побывав в одной из уральских аномальных зон, получил контакт, за который ему пришлось платить здоровьем. Но взамен он приобрел расширенное понимание

происходящих рядом с ним событий. Лена имела ампула сталкера-спасателя, выводящего завязшие в Полуяви души из опасных мест. Я же, достаточно успешно практиковав упражнения с биополем, мог чувствовать ауру человека или места. Например, указать, где проходит водяная жила, — это если нужно определить место для колодца. И, в принципе, чуть-чуть управлять энергетическими потоками.

Сразу оговорюсь: такие способности не даются просто так. И когда начинаешь отсекал жгуты присосавшихся вампиров, затягивать дыры в биополе или насаивать его на предмет, можешь быть уверенным, что дело закончится сердечным приступом. Не болью (хотя и такое может быть), а слабостью и перебоями пульса — брадикардией. Поэтому производить такие опыты не советую никому. Ни к чему это.

Третьей рукой я обзавелся давно. Случилось это после скоропостижной смерти брата, когда я впервые познакомился с Библией. Беда застала меня в командировке. Так получилось, что, когда я, прорвавшись через снега и толпы пассажиров из Киева в Ленинград, очутился в его притихшей от горя квартире, оставшуюся до похорон ночь мне было просто некуда деть. Нервное напряжение требовало выхода, сидеть просто так было невозможно, и тут кто-то сунул мне в руки черную книжицу: “Почитай Экклезиаста...”.

Надо сказать, что я всегда был склонен к метафизике. Более того, меня как бы подталкивали на этом пути, вели: то упавшая книга, раскрывшись на нужной странице, давала ответ на мучающий вопрос, то в автобусной давке чей-то голос на задней площадке бросал слово, недостающее для завершения выстраиваемой логической конструкции...

Библия пришлось к стати. Слово упало на подготовленную почву. Я сделал выбор. И отказался от неприемлемой практики — работы с тем, с чем человечеству работать пока рано. Да только эта практика от меня не отказалась.

Давно прошло то время. Я помню, как тайно творил молитвы по дороге на работу и обратно (я и сейчас так делаю): другого времени, когда я был бы всецело предоставлен самому себе, у меня не было. По церковным канонам после завершения молитвы следовало наложить на себя крестное знамение и поклониться, а как? Как это сделать? И как на меня посмотрели бы в том же переполненном автобусе, вздумай я креститься?

Так появилась третья рука. После тайного (про себя, с закрытыми глазами) обращения к Богу я крестился мысленно, так же мысленно совершая поклон в сторону ближайшего храма.

Оказалось, что эта воображаемая рука очень полезна в Полуяви. Она могла быть сильной и длинной, она могла проникать сквозь предметы и стены (ну, этим-то там никого не удивишь), она могла появляться и исчезать по моему желанию. Она была, как я понимаю, овеществлением моего желания. И, одновременно, моим тайным оружием.

Не сомневаюсь, и у Лены, и у Вениамина были свои тайны и приёмы, но встретиться нам хотелось не поэтому. Всё же на девяносто девять процентов мы принадлежали этому, вещественному миру, и интерес наш носил самый что ни на есть вещественный характер. Одно дело — знать человека по фотографии, и совсем другое — встретить живую. Я, например, был страшно удивлен, что Ленка слегка грассирует — ну, никак я этого не ожидал! Стихи её были простыми и красивыми и лились, как вода. Впрочем, я-то на своей шкуре знаю, чего стоит такая кажущаяся простота.

До Вениамина удобнее всего было добираться через Пинск. Поезд из Гомеля добирался до Пинска утром: ехать приходилось ночью. Многие, я знаю, посчитали бы такое расписание удачным: как же, вечером лёг, утром встал, и пути как не бывало. Но я не люблю спать в поездах. На меня тягостно действует, когда состав замедляет ход и останавливается; я непременно просыпаюсь и нетерпеливо жду, когда он снова тронется. Зато мне нравятся поездки дневные: смотреть в окно можно бесконечно, пусть даже вид будет однообразен и уныл.

Прогрохотав по мосту через Ясельду, поезд сбавил ход и через несколько минут затормозил у вокзала. По обстоятельствам выходило очень удачно: московский прицепной вагон, в котором ехала Лена, цепляли как раз к

моему поезду Гомель—Брест, так что прибыли в Пинск мы вместе. А поскольку все манипуляции с подвижным составом производились ночью, то встретиться мы уговорились уже по прибытии, на вокзале, и дальше двигаться вместе: на автобусе до Телехан или Выгоноц (это сельсовет, к которому относится деревня Бычковского), а если повезёт, то и до самых Бобровичей. Но на такое везение рассчитывать не стоило: кто его знает, как тут дела обстоят с автобусными рейсами!

Было свежо: солнце только-только встало. Я вышел на перрон, глубоко вздохнул, выгоняя из лёгких спёртый воздух тамбура, и медленно побрёл назад. Вагон у неё последний, лицо я по фотографии вроде как помню (у меня особенность: плохо запоминаю лица; могу, поговорив с человеком, наизусть его не узнать. Знакомые знают и не обижаются), да Лена и сама меня вычислит, внешность у меня своеобразная: полностью седой, в очках, морда наглая. Не перепутаешь.

Не перепутать было легко: кроме нас, сошло всего человек пять, так что разминуться было невозможно. Ленкину спортивную сумку, не очень увесистую, я повесил на плечо, а пакет с провизией — ну, как же женщине без пакета? — она оставила при себе.

Прежде всего, мы ознакомились с расписанием местного автотранспорта. Чтобы попасть непосредственно в Бобровичи, пришлось бы ждать нужного рейса почти до вечера, зато на Выгоноци маршрутка отправлялась всего через час. По гугловским картам выходило, что пешком оттуда до Бычковского мы бы добрались даже быстрее, чем на автобусе. Дорога пролежала среди леса, пеший туризм я люблю (моя попутчица, как оказалось, тоже), все мои вещи умещались в одном рюкзаке, да и Лена тоже не была навьючена, как ишак — чего же ещё? А если что не так, попутный транспорт тогда никто не отменял.

Так и получилось: последний этап мы проехали на старых “Жигулях” — повезло, двое местных любителей направлялись на рыбалку, так что в Бобровичах мы оказались часам к двенадцати. Конечно, Бычковский не утерпел и вышел нас встречать к околице (я позвонил ему и сообщил, что мы вот-вот будем) в резиновых сапогах, куда были заправлены серые рабочие штаны, рубашке-толстовке, соломенной шляпе и с шикарной кудлатой бородой. Вениамин заметно прихрамывал и опирался на трость: последствия давней травмы, с которыми современная медицина мирно уживалась, поскольку устранить не могла.

— Ну, молодцы! Долго ж вы собирались, я уж не чаял дожждаться, — прогудел он. — Пошли, вон моя хата... Дай, помогу, — он попытался забрать у меня Ленину поклажу — безуспешно, потом у неё самой пакет — с тем же результатом.

— Ну, да, конечно, сейчас мы всё на твою спину взвалим! — отозвалась Лена. — Ничего, Димка дотащит, он здоровый.

Я мельком скользнул по его сознанию — типичная реакция, чуть настроенная: ну, как-то отнесутся гости к новым условиям, быту, гостеприимству? Не забыть бы чего, короче, обычная галиматья в голове у человека, к которому прибыли гости — не уже привычные гости, а именно те, которые впервые.

— Нормально отнесутся, — пробурчала Лена; не вслух, а мысленно, но так, чтобы и я, и хозяин услышали.

Вениамин хитро посмотрел на неё и улыбнулся. Дескать, чем богаты, тем и рады, назвался груздем — полезай в кузовок.

— Обедать! — объявил он. — Обед прежде всего. Вы, поди, есть хотите, знаю я эти дорожные перекусы.

— Обедать так обедать, — не стали мы спорить.

Несмотря на большую спину хозяина, пространство перед домом и двор были умело выкошены. Забор отсутствовал, да он был и не нужен: хозяйство Бычковского стояло слегка на отшибе, и отгораживаться от соседей не было нужды. Земли здесь хватало всем.

— А вот и нет, — возразил Вениамин. — Почитай, все свободные участки приезжие раскупили. Фазенды лепят... Скоро, думаю, тут и места сво-

бодного не останется. Так что времена деревенские у нас кончаются, начинаются дачные да коттеджные... Приехали бы на пару лет позже — всё, не видать бы вам ни тишины, ни отдыха. Строятся! А местным даже на моторах плавать запретили — как же, урочище у них тут... Того и гляди, рыбалку платной сделают.

Отношение его к новоявленным хозяевам было ясно, да он его и не скрывал.

Жильё у Бычковского оказалось не слишком велико размером, но уютно и чисто той лесной чистотой, которой присущи солнечные зайчики на полу и запахи смолы и сушёных трав: зверобоя, земляники, медвежьих ушек. В красном углу — иконы, украшенные вышитыми крестиком рушниками. Лампадка отсутствовала. Кому-то из нас предстояло жить здесь, другому — в той самой избе-музее, где уже было приготовлено спальное место.

Я ожидал, что на обед будет подана та самая знаменитая уха, но ошибся. Вениамин сам не рыбачил (удочки же держал только для гостей), а у соседей тоже свежей рыбы не нашлось — так уж вышло. Зато картошка с жареными грибами оказалась просто изумительной.

— Да они тут на каждом шагу, чуть не у порога растут, — улыбался хозяин. — Я вас по таким местам повожу, что ахнете!

Мы послушно пообещали ахнуть, тем более — было от чего. Дом стоял на холме, и прямо из окна открывался ошеломляющий вид на озеро, большущее, ярко-синее, в котором отражались неподвижные громады белых облаков. Противоположный берег еле просматривался тёмной полосой леса на горизонте. Справа всё тоже было покрыто лесом, слева раскинулась деревня.

— Тут хорошо, — заметив наши взгляды, сказал Вениамин. — Дышится легко. Я как из города приеду, надышаться не могу. Люблю эти места! Да вы за стол садитесь, нечего церемонии разводить. У меня тут для встречи кое-что есть... Вы как, не против?

На столе появилась старинная литровая бутылка и рюмки. Самогон, конечно, но не мутный, как утрированно показывают в фильмах, а прозрачный, жёлтый, настоящий на травах. Зубровка.

— Благослови, Господи, трапезу! — провозгласил он, наливая.

— Ой, мне чуть-чуть! — пискнула Лена.

— А я с удовольствием, — сказал я. Освобождённый от дорожной клаксы, я сидел на крепком стуле, за крепким столом, в хорошей компании, и ближайшее будущее обещало замечательные впечатления, так отчего бы не расслабиться? Не так много в жизни у нас моментов, когда можно вот так бросить всё: заботы, обязанности, надоедливые мысли — и наслаждаться тёплым летом, солнцем, тишиной и покоем.

Напиток тоже оказался крепким, но пился легко, видимо, хозяин тщательно профильтровал и очистил его от посторонних примесей, а зубровка придала ему приятное послевкусие.

— Берётся только небольшой кусочек стебля, возле корня, там, где розовая полоска, — пояснил Бычковский. — Если класть всё растение, сеном будет отдавать.

— Ну, всё, — сказал я, налегая на грибы. — Теперь мне нынешней ночью Подуявь обеспечена. Они, знаешь ли, любят в этом состоянии по мозгам шарить. По крайней мере — со мной так. Довольно-таки часто.

— Алкоголь, ослабление самоконтроля, — отозвалась Лена. — Не бойся, мы рядом будем.

— А чего мне бояться, сестричка? Чай, не первый раз!

— Ну-ну, — сказал Бычковский. — Давай-ка лучше по второй.

Выпили по второй.

— Я вас сегодня далеко не поведу, так, по опушке побродим, — продолжал он. — Тут у нас дуб заповедный есть, ему больше полутьщи лет, так биологи говорили. Приезжали, как же, и студентов на практику привозили. Флору-фауну изучали... Здесь у нас хватает разной живности: немногочисленно, соседние села далеко, так что много кого в лесу повстречать случается. Вот свожу вас к дубу, покажу. Правда, болеет он: дупло в нем здоровенное,

и какая-то кривая душа огонь было в нём развела. Боюсь, теперь погибнет... Так вы как — гулять пойдёте или, может, отдохнуть после поездки желаете?

— Пойдём, конечно!

— Ну, и лады. Доедайте, а я пока схожу к соседям за молоком. В погреб поставим, вечером холодное будет...

Вениамин ушёл, а мы с Леной, развалившись в блаженной истоме, продолжали сидеть за столом, вяло ковыряя вилками в тарелках, обменивались ничего не значащими замечаниями и лениво оглядывали обстановку. Было нам хорошо, уютно и как-то мягко на душе.

Обычно в подобных случаях пишут “поражало обилие книг” — это своеобразное клише, когда автору надо подчеркнуть духовность описываемого персонажа. Но здесь такое было неприменимо: у нас тоже домашние библиотеки были не маленькими, поэтому особого впечатления книжные шкафы ни на меня, ни на мою спутницу не произвели. Я лишь отметил для себя, что некоторые книги были на польском — опять же, удивляться не стоило, Польша-то — вон она, до границы не так далеко. Кстати, интеллигентом Вениамин внешне не выглядел до тех пор, пока — скажу, забегая вперёд, — не принимался рассказывать или спорить. Тут его знания и логика рассуждений вызывали уважение. Правда, спорил он достаточно редко, предпочитая отмалчиваться и поглядывать на собеседника уважительно, но колко и цепко.

После обеда мы, несколько разомлевшие, отправились знакомиться с окрестностями. Посмотрели музей (и лежанку, на которой предполагалось спать Лене), часовню, возведённую стараниями нашего неугомонного хозяина, да и просто прошлись по лесу, выйдя на старое песчаное городище на берегу: тут было место древнего поселения, и даже время от времени производились раскопки.

Тишина и покой. Собственно, вот за этим мы и приехали: сменить обстановку, отдохнуть, не спеша поговорить, набраться впечатлений.

На нас обрушилось беззаботное лето — из той детской поры, когда куда не нужно торопиться, когда разговор с птицей или жизнь гусеницы являются невероятно важной частью бесконечно-счастливого дня, и каждый следующий день обещает новые и новые открытия, а мир вокруг всячески показывает, что любит тебя. Сознание слоилось, горячим воздухом текло между зацепившимися за песок кустиками красных диких гвоздик, летело над тёплой озёрной водой с запахом кувшинок и розовых цветов стрелолиста. Тонкие стрекозки садились на качавшиеся листья рогоза и тут же взлетали, испуганные промелькнувшей тенью птицы. Рыбья мелочь теребила упавшего в воду жука.

— И вот почему-то это место не зарастает, — сказал Вениамин. — Не живут тут деревья. Я уж сколько лет наблюдаю — только трава, да и та не везде.

— И не должны, — тут же откликнулась Лена.

— В этом месте большая беда случилась... когда-то... давно, — поддержал я.

— Во время войны фашисты сожгли в округе четыре деревни, — возразил Вениамин. — Но это не здесь, а дальше.

— Нет, это раньше, — сказал я. — Много раньше. Уже почти ничего не разобрать, а земля помнит.

— Давайте уйдём отсюда, — сказала Лена. — Почему-то мне кажется, что нам тут находиться не надо. Может, обойти озеро и посмотреть другой берег? До вечера успеем.

Солнце уже зацепилось за лес, и по замершей водяной глади побежал красный закатный блеск, когда мы, пробравшись местными “тайными тропами”, ведомыми только местным жителям, вышли на берег с другой стороны. Ветер стих совершенно. Кусты ивняка стояли неподвижно, выделяясь на фоне заката чёрным узором, как на гравюре. Мы присели на сухом стволе какого-то дерева и некоторое время, отдыхая, молча любовались уходящим днём.

Начинали робко проглядывать звезды. Приближалась ночь, но уходить отсюда никак не хотелось, несмотря на не сдерживаемых более солнечным

светом комаров. Мы сидели, наблюдая, как скрывается за чёрным частоколом леса потерявший былую яркость остаток тёмно-багрового диска, как меркнут разводы неподвижных горизонтальных облаков.

Похолодало. Над озером потянуло туманом, сначала несмелым, стелющимся по самой воде, а потом входящим в полную силу, клубящимся и наступающим волнами. Было в нём нечто нереальное, словно в фантастическом фильме о какой-то иной планете.

— Ладно, пошли, — поднялся Бычковский. — Эх, теперь нам по темноте да лесом...

— Погоди, — вдруг каким-то напряжённым голосом произнесла Лена. — Смотрите, что это там?

— Где?

— Вон, как раз напротив полуострова... Да выше, выше!

Несмотря на туман, мы разглядели над водой слабо светящийся шар. Он неподвижно висел, не меняя ни цвета, ни своей светимости, мертвенной и тусклой. До него было около километра — так мне показалось, но точно оценить размеры и расстояние из-за недостатка освещённости было невозможно. В воде шар, — а может, не совсем шар, четких границ у него не было — не отражался. Или отражение скрадывал туман.

— НЛЮ, — сказал я.

Вообще-то неопознанные объекты я видал и раньше. Неоднократно. И все прежние случаи оканчивались чем-то вроде разочарования: мы, люди, для них ничего не значили; эти аппараты невозмутимо делали своё дело и исчезали, не обращая внимания ни на что. Но теперь всё было иначе. Всем своим опытом экстрасенсорики, пусть примитивным, я мог поручиться за то, что на этот раз за нами наблюдают. Мои спутники это тоже почувствовали.

— Смотрите... — пробормотала Лена.

Бычковский промолчал, нахмурившись и вглядываясь в парящий над озёрной гладью шар, который быстро скрывался туманом, плотным, густым, подобного которому я никогда прежде не видел.

Сейчас, когда я возвращаюсь туда памятью, я спрашиваю себя: почему мы не были особенно удивлены происходящим? Может быть, неведомый режиссёр, поставивший эту мизансцену, посчитал, что наши излишние эмоции могут ему помешать?

Вскоре исчезло всё: и шар, и лес за нами, и даже ближние кусты. Опустилась глухая тишина, не было слышно ничего: ни собачьего лая, ни случайного звука деревни, и это невзирая на то, что ночью над водой даже самый негромкий голос разносится достаточно далеко. Оставалось различимым только небольшое пространство вокруг нас да узкая полоска неподвижной чёрной воды.

Внезапно что-то изменилось. Вверху произошло движение, и в сплошной пелене тумана образовалось свободное пространство — как раз над нами; стало видно чистое звёздное небо, и стало заметно светлее: это выглянула полная луна.

— А ведь сегодня новолуние, — пробормотал Вениамин.

Вот как. Новолуние. Что же, получается, они могут и время смещать?

Это соображение пришло откуда-то извне. Я ощущал некое единство с Вениамином и Леной — мы стали острее чувствовать друг друга, и то, что приходило в голову одному, сразу же становилось достоянием всех. Для этого даже не надо было обмениваться словами. Я чувствовал не только их настороженность, но и привычную ноющую боль в спине — это Бычковский — и существенную усталость, которую вовсе не предполагалось показывать остальным, — Лена. И ещё я почувствовал узнавание: когда-то давным-давно Вениамин уже встречался с тем или с теми, кто сидел там, в шаре, и наблюдал за нами. Та, прошлая, встреча закончилась болезнью, от которой он так и не смог полностью освободиться до сих пор.

— Тише! — шепнула Лена. — Слышите?

Мы слышали. К берегу приближалась лодка — гребец торопился, лихорадочно орудуя веслом, и когда лодка показалась в сфере видимости, оказалось, что правит ею худенькая девушка, одетая в рубище, похожее на ста-

рюю ночную рубашку. Она на мгновение испуганно замерла, увидев нас, но тут же умоляюще протянула вперёд руки, которые замелькали в черед непонятных жестов.

Глухонемая?

Лодка уже ткнулась носом в песок, и девушка, шагнув в воду, пыталась вытолкнуть её подальше на берег, призывно махая рукой.

Она была не одна. На дне лодки ничком лежал юноша — голый торс, короткие штаны из грубого рядна. Он был без сознания. Из спины торчало древко стрелы.

Стрелы?!

Стало быть, это всё — настолько из другого времени? И что теперь делать? Если вмешаться, не приведёт ли это к изменению событий уже в нашем времени?

— Не приведёт, — мотнул головой Бычковский. — Настоящее уже таково, каково есть. И изменить его никакое прошлое не может.

— Кроме того, если мы ничего не сделаем, это точно так же будет воздействием на прошлое, — добавила Лена.

Вообще-то да. Какая разница, от чего может измениться прошлое: от нашего воздействия на него или от отказа от такого воздействия?

Мы с Вениамином вытащили раненого на берег. Было ясно, что без немедленной помощи дело закончится плохо. Впрочем, если даже здесь каким-то чудом вдруг оказалась бы бригада реанимации, я всё равно не рискнул бы дать стопроцентный положительный прогноз.

— Сначала надо вытащить стрелу, — предложил Вениамин.

— Нет! — решительно воспротивился я. Я уже мысленно “прощупал” рану и знал, что дело гораздо хуже, чем даже казалось на первый взгляд. — Там наконечник с зазубринами. Будем тянуть — зацепим сердце.

— Как же быть?

Девушка стояла, глядя на нас с надеждой. По лицу её текли слёзы.

— Это её брат, — сказала Лена; она не теряла времени даром и уже знала, что произошло. Собственно, всё можно было уложить в одно предложение: ночь, нападение, побег, шальная стрела. А может, не шальная.

Туман еле заметно окрасился жёлтым — с той стороны, откуда приплыла странная пара.

— Там пожар, — глухо проронил Бычковский. — Деревню подожгли.

— А эти, ну, которые напали, — спросила Лена, — они сюда не приплывут?

— Вряд ли. Они ведь не знают, куда плыть — темно, а на воде следов нет... Скорее уж могут решиться на рейд вокруг озера. И то, если конные.

Конечно, мы не знали, кто напал на деревню: там, в средневековье, откуда прилетела стрела, это могли быть и лучники Золотой Орды (да, они сюда доходили), и отряд немецких рыцарей-храмовников, и казацкая вольница Хмельницкого, и каратели царя Ивана... Да какая разница! Перед нами умирал человек, а мы ничего не могли сделать. Железный крюк так просто из тела не вытащить.

Бычковский вдруг выпрямился и сжал кулаки. Я ощутил его ментальный посыл. Кому? Неужели тем, в шаре?

И вдруг стрела исчезла. Я чувствовал: там, возле сердца, бившегося слабыми толчками, колбочки больше нет.

Раненый застонал, по спине тонкой струйкой потекла кровь.

Что ж, кажется, пришло моё время... Я понимал, что то, что я собираюсь делать, превышает мои силы. Знал и то, что потом буду валяться, прижимая руки к груди и пытаясь остатками энергии удержать своё собственное сердце. Но отступить уже не мог.

Несколько глубоких вдохов перекатом от диафрагмы. Зачерпнуть праны — больше, ещё больше... Активизация — ладони привычно потеплели. Как же долго я не пользовался биоэнергетикой! И надеялся, что делать этого никогда уже не придётся. Но знакомые ощущения не забылись, энергия послушно прибывала, я уже ощущал её, как тёплый шарик, катающийся между ладонями. Пора.

Я закрыл глаза и сосредоточился на ране. Прокол был глубокий, стрела разорвала несколько крупных кровеносных сосудов, и прежде всего нужно было их затянуть, коагулировать кровь. А для этого ох сколько усилий надо! Ну, ничего, ничего, мы потихонечку, полегоньку...

Получилось. Я открыл глаза, перевёл дух и только тут заметил, что Бычковский стоит сзади, положив руки мне на плечи и подпитывая меня. Выглядел он неважно, впрочем, наверняка, и я тоже. Но дело было ещё не закончено, необходимо было провести обеззараживание раны — иначе не надо и гангрены, тут малейшее воспаление — и конец: слишком уж близко перикард.

Я добросовестно прошёлся по всей глубине раны, выжигая возможную заразу тем особым огнём, который позволяет поднять температуру тела до сорока градусов, а субъективно воспринимается как настоящий огонь. Бациллам, проникшим в рану, не поздоровится. Мне, впрочем, тоже: выжигание буквально пожирало энергию.

Я держал огонь столько, сколько мог. И даже чуть-чуть дольше. Когда я поднялся на ноги, глаза застилала такая тьма, что не разобрать было ни берега, ни земли. Я лишь чувствовал, что рядом, за спиной, на песке сидит Бычковский, слабо мотая головой. Ему тоже было нехорошо. Лена, выудив из сумочки валидол, торопливо совала таблетку ему в рот. Я остановил истечение энергии (руки полусогнуть в локтях, большой и безымянный пальцы — в кольцо), хотя какое уж там истечение, какая энергия! Жалкие остатки! Затем сунул руки ладонями под мышки: если вдруг что-нибудь ещё просочится, пусть замыкается через тело — на питание сердечной мышцы. И отрубился.

Я же предупреждал, что ничего из того, о чём я намеревался рассказать, никогда не происходило. И вообще — существовало ли, случилось ли оно, это не наше время, в которое мы были погружены чужой волей? И зачем погружены, для чего? У меня не было и нет ответа.

Если судить по тому, что мы все трое — применю тривиальное сравнение — были выжаты той ночью, как лимоны, то да, всё, несомненно, случилось и произошло. И так же несомненно, что этого никогда не было для всего остального мира, кроме разве что тех двоих несчастных беженцев, кстати, мы так и не успели узнать их имена. Удалось ли им спастись? Выжил ли тот, кому мы так старались помочь? Сейчас, когда мы находимся в своём месте и времени, мы обречены размышлять и строить предположения, которые не могут быть ни доказаны, ни опровергнуты.

Бычковский, например, утверждает, что всё случившееся было опытом с целью проверить, правильно ли каждый из нас пользуется своим даром, и мы трое совсем не случайно были тогда собраны вместе. У каждого из нас, дескать, есть задание, которое предназначено только ему. Лена отмалчивается, предпочитая не докапываться до смысла происшедшего. Ей предстоит ещё долго разбираться с теми, кто подвергся нападению, и пытаться, как она выразилась сухо и сдержанно, “минимизировать урон”. Уж что она под этим подразумевает, мне непонятно; подозреваю, что задача эта вовсе не проста. Но она справится.

Что предназначено сделать мне, я не знаю. Возможно, просто написать об этом, чтобы кто-нибудь тоже задумался о том, зачем он существует, кому это нужно и к чему судьба избрала именно его.